

Демонстрация на Казанской площади Процесс "50-ти" и "193-х"

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д31

Д31 Демонстрация на Казанской площади Процесс "50-ти" и "193-х" / – М.:
Книга по Требованию, 2020. – 127 с.

ISBN 978-5-458-16049-0

ISBN 978-5-458-16049-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

рукахъ. Все это сопровождалось криками «ура» и бросаніемъ на воздухъ шапокъ.

Прибывшій въ это время на площадь чинovníкъ полиціи Васильевъ бросился прямо въ толпу и хотѣлъ схватить флагъ, но былъ сбитъ сильнымъ ударомъ въ голову и упалъ на землю, гдѣ его топтали ногами. Такой же приѣмъ встрѣтилъ и окологородный надзиратель Успенскій, бросившійся на помощь Васильеву. Толпа съ криками: «Братцы! плотнѣе! не расходитесь! Кто подойдетъ, тотъ уйдетъ безъ головы!», двинулась впередъ по направленію къ памятнику Кутузова. Во главѣ толпы шла молодая женщина, съ распустившимися косами, кричавшая: «Впередъ! за мною!»

Толпа прослѣдовала до угла Невскаго и Казанской площади, гдѣ разсѣялась. Городовые подъ руководствомъ Успенскаго и Васильева, при участіи добровольцевъ изъ публики, стали задерживать руководителей демонстраціи, которые, съ своей стороны, отбивались изо всѣхъ силъ. Многіе городовые и ихъ помощники изъ добровольцевъ были избиты, на многихъ было изорвано платье.

Изъ числа молодыхъ людей, сопротивлявшихся особенно упорно, обратилъ на себя вниманіе Боголюбовъ, дравшійся и на площади, и по дорогѣ въ участокъ. Онъ не хотѣлъ позволить въ участкѣ обыскать себя и, когда его хотѣли обыскать силою, онъ выхватилъ висѣвшій у него на тесьмѣ подъ платьемъ заряженный револьверъ, взвелъ курокъ и направилъ дуло въ упоръ на сторожа Клибника, но тотъ успѣлъ отвести револьверъ въ сторону и вырвать барабанъ съ патронами, рассыпавшимися по полу. Спущеннымъ Боголюбовымъ куркомъ прищемило Клибнику палецъ, и этому онъ былъ обязанъ жизнью. Палецъ, разсѣченный и прижатый къ патрону предотвратилъ выстрѣлъ.

Въ участкѣ, между дверями, былъ найденъ другой карманный заряженный револьверъ, брошенный, очевидно, кѣмъ-то изъ задержанныхъ. На Малой Конюшенной былъ найденъ чугунный наручникъ, брошенный, очевидно, тоже однимъ изъ участниковъ демонстраціи.

Одинъ свидѣтель происшествія на Казанской площади, пѣкшій Абрамовъ, замѣтилъ, что парень въ полушубкѣ, котораго толпа поднимала со знаменемъ въ рукахъ, когда началась свалка, ретировался и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ людей, направился на Большую Садовую, гдѣ разстался со своими товарищами. Они направились дальше по Садовой, парень же въ нагольномъ полушубкѣ пошелъ спокойно по направленію къ Публичной Библіотекѣ. Тутъ Абрамовъ при содѣйствіи городского задержалъ его и отправилъ въ полицію, а оттуда въ жандармское управленіе, гдѣ при обыскѣ въ карманѣ молодого человѣка былъ найденъ красный кумачевый флагъ съ вышитыми на немъ бѣлыми шелковыми шнурами словами: «Земля и Воля».

При доставкѣ въ жандармское отдѣленіе, задержанный кричалъ: «Да здравствуетъ свобода!»

Парень оказался крестьяниномъ Тверской губ., Яковымъ Потаповымъ. Его родственники, рабочіе фабрики Тортона, объяснили, что и Потаповъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ работалъ на этой фабрикѣ, гдѣ зарабатывалъ по 20—23 руб. въ мѣсяцъ. Въ 1874 г. онъ безъ всякой видимой причины бросилъ фабрику и на работу больше не возвращался. По слухамъ, на Якова, работающаго и хорошаго мальчика, дурно повліяло знакомство со студентами. Изъ Петербурга онъ отправился въ Кіевъ, откуда былъ высланъ административнымъ порядкомъ на родину за участіе въ пропагандѣ. Онъ былъ присланъ туда по этапу 27-го іюня 1876 г., но скрылся изъ деревни совмѣст. же послѣ Погова.

Что касается дѣвушки, шедшей впереди процессіи и кричавшей: «Впередъ! за мною!», то ея оказалась готовящаяся къ поступленію на женскіе медицинскіе курсы Фелиція Шефтель. Она, какъ почти и всѣ задержанные, отрицала свое участіе въ демонстраціи. Ш. утверждала, что зашла въ Казанскій соборъ случайно, посмотрѣть, какъ молятся православные. Выйдя изъ собора, она остановилась послушать, что говорятъ, и тутъ на нее напала полиція.

Во время обыска у одного изъ задержанныхъ, студента медико-хирургической академіи Александра Николаевича Бибергала, было найдено между другими бумагами стихотвореніе, писанное рукою Бибергала, «явно возмутительнаго» содержанія. Тамъ говорилось о рабочихъ, возвращающихся послѣ трудовъ на родину, гдѣ ожидаетъ ихъ страшная бѣдность и больныя дѣти въ отрешьяхъ. Стихотвореніе составило особый пунктъ обвиненія противъ Бибергала.

Кто произнесъ рѣчь на Казанской площади, такъ и осталось невыясненнымъ, но теперь извѣстно, что это былъ Плехановъ.

Результатомъ демонстраціи было привлеченіе къ отвѣтственности 21 человѣка, по преимуществу учащейся молодежи. Въ частности обвинялись:

1) Студенты медико-хирургической академіи: Иванъ Антоновичъ Гервасій, Александръ Николаевичъ Бибергаль и Яковъ Ефимовичъ Гуровичъ;

студентъ института инженеровъ путей сообщенія, Василій Семеловичъ Надеждинъ;

личные почетные граждане: Архипъ Петровичъ Боголюбовъ, Евгенийъ Константиновичъ Богаровъ, Михаилъ Михайловичъ Гернавскій и Григорій Игнатьевичъ Громовъ;

ученикъ императорской академіи художествъ,
Илья Родіоновичъ Поповъ;

сыновья купцовъ: Николай Яковлевичъ Фа-
линъ и Семень Львовичъ Геллеръ;

мѣщане: Ефимъ Захаровичъ Новаковский, Ва-
силій Яковлевичъ Ивановъ (онъ же Савельевъ) и
Александръ Ивановичъ Морошкинъ;

крѣстьяне: Тверской губ.. Яковъ Потаповъ,
Новгородской, Василій Тимофѣевъ, и Ярославской,
Матвѣй Григорьевъ;

дочь дворянина, Варвара Константиновна Илья-
шенко, дочь чиновника, Лидія Васильевна Нико-
лаевская, дочь маіора, Софья Андреевна Иванова,
и дочь купца, Фелиція Исааковна Шефтель.

Всѣ вышеперечисленные лица обвинялись въ
томъ, «что 6-го декабря 1876 г., по окончаніи
богослуженія въ Казанскомъ соборѣ, въ который
они собрались, вслѣдствіе распространившихся
между ними свѣдѣній о готовившемся на это чп-
сло выраженія враждебныхъ правительству мнѣ-
ній, выйдя съ другими не разысканными лицами
на площадь, образовали изъ себя толпу, слушала
произносившуюся изъ среды ихъ рѣчь, направ-
ленную къ порицанію установленнаго закона-
ми государственнаго порядка и образа правленія,
выражали сочувствіе этой рѣчи громкими кри-
ками и знаками одобренія, поднимали красный
флагъ съ революціоннымъ воззваніемъ «Земля и
Воля», а затѣмъ толпою же, получившею вслѣд-
ствіе вышеизложеннаго характеръ явно возму-
тительнаго дѣйствія, двинулись отъ собора по
площади, чѣмъ и сдѣлались участниками пре-
ступленія, предусмотрѣннаго 2-мъ отдѣломъ 252
ст. ул. о нак.».

2) Тѣ же лица обвинялись также и въ томъ,
что оказали явное, соединенное съ насиліемъ,
сопротивленіе полицейской власти, которая, съ
помощью частныхъ лицъ, приступила къ задер-
жанію ихъ.

3) Гервасій, Бибергаль, Боголюбовъ, Бочаровъ, Надеждинъ, Чернавскій и Шефтель обвинялись въ непосредственномъ нанесеніи ударовъ полиціи.

4) Боголюбовъ обвинялся, кромѣ того, въ томъ, что посягнулъ на жизнь служителя Клубика, спустивъ курокъ заряженнаго револьвера, причѣмъ выстрѣла не послѣдовало по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, и

5) Бибергаль въ томъ, что составилъ стихи возмутительнаго содержанія.

Приговоръ сената по дѣлу былъ очень суровъ. Не говоря о Боголюбовѣ, виновномъ все-таки въ покушеніи на убійство, онъ приговорилъ его, Бибергалья и Чернавскаго, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 л., Бочарова и Гервасія—на 10 лѣтъ, Фалипа, Новаковскаго, Николаевскую, Ильяшенко, Иванову и Гуровича къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, Шефтель—въ каторжныя работы на 6 л. и 8 мѣс., Потапова, Геллера, Попова, Громова, Григорьева и Тимофѣева—въ Сибирь на поселеніе.

Сенатъ призналъ невинновыми и оправданпыми по суду: Надеждина, Морошкина и Иванова (онъ же Савельевъ).

Самому старшему изъ обвиняемыхъ было 24 года, младшей (Шефтель)—16.

Когда обвиняемые по этому дѣлу содержались въ домѣ предварительнаго заключенія, то тамъ произошелъ инцидентъ, извѣстный подъ названіемъ боголюбовской, или треповской исторіи, по прежде, чѣмъ перейти къ нему, намъ необходимо остановиться на разсмотрѣніи порядковъ мѣстъ предварительнаго заключенія на почвѣ которыхъ разыгрался инцидентъ.

II.

Въ Петропавловской крѣпости. — Изъ воспоминаній О. Синегуба. — Домъ предварительнаго заключенія. — Покушеніе на побѣгъ Ковалика и Войпоральскаго. — Побѣгъ Волховскаго. — «Клубы» и «копи». — Инцидентъ съ Треповымъ. — Боголюбовская исторія.

Аресты пропагандистовъ начались въ концѣ 1873 г. и производились почти непрерывно до конца 1875 г., но судъ надъ ними состоялся только въ концѣ 1877 г. Такимъ образомъ, многимъ изъ нихъ пришлось провести въ одиночномъ заключеніи болѣе четырехъ лѣтъ, прежде чѣмъ предстать предъ судомъ.

Самые важные изъ пропагандистовъ, какъ кн. Кропоткинъ, Синегубъ, Сердюковъ и др., были помѣщены въ подслѣдственномъ отдѣленіи Петропавловской крѣпости. Тамъ ихъ обыскивали, раздѣвши предварительно донага, наряжали въ казенное бѣлье: рубашку, исподнее, чулки, кожаные чирки, въ сѣрый длинный больничнаго покроя халатъ, и препровождали въ одиночныя камеры. Собственная одежда уносилась въ цейхгаузъ и выдавалась при всякомъ выходѣ изъ камеры во внѣшній міръ: на прогулку, свиданіе, допросъ, но по возвращеніи въ камеру неукоснительно отбиралась и уносилась вновь въ цейхгаузъ.

Зданіе подслѣдственнаго отдѣленія было не-

высокое, двухэтажное, построенное многоугольникомъ, внутри котораго помѣщался дворикъ съ деревьями и клумбами цвѣтовъ и съ небольшою банею для заключенныхъ посерединѣ. У стѣнъ зданія были панели, и по нимъ, а также по аллеякамъ садика возлѣ бани, ходили во время прогулки арестованные. Высокія стѣны Петропавловскихъ рavelиновъ окружали зданіе.

Камеры въ подстѣдственномъ отдѣленіи были довольно большія, шаговъ десять по діагонали, и очень высокія. Изъ окопъ камеры, кромѣ бѣлой крѣпостной стѣны и клочка неба, ничего не было видно. Только въ нѣсколько камеръ верхняго этажа въ ясные дни заглядывало не надолго солнце.

Полъ камеръ былъ асфальтовый, покрытый желтой краской. Двѣ стѣны камеры были обиты кошмой, вплоть до начала потолочнаго свода, сверхъ кошмы была натянута грубая парусина, а на парусину были наклеены желтыя полосатые обои. Стѣна, въ которой была ниша съ дверью, и стѣна съ окномъ не были обиты кошмой. Въ стѣнѣ возлѣ двери помѣщалась кнопка электрическаго звонка. Въ сплошной ординарной двери, окрашенной въ желтую краску, находилась форточка, въ квадратный футъ величиною, въ которую подавалась заключеннымъ пища и другіе предметы. Нѣсколько выше форточки было отверстіе со вставленнымъ въ него стекломъ, закрываемое изъ корридора деревянной пластинкой. Оно причиняло не мало досады заключеннымъ. Время отъ времени раздавался характерный шорохъ, пластинка приподнималась, и въ стеклышкѣ появлялись чѣм-то два глаза, устремившіеся на заключеннаго, что такъ раздражало многихъ, что они плевали въ стекло, въ глаза, бросали въ дверь книги, кричали: «пошелъ къ чорту!»

Сильно раздражали также заключенныхъ часы

Петропавловской крѣпости, вызванивающіе каждую четверть часа куранты.

Каждое утро, послѣ того, какъ одинъ изъ гарнизонныхъ солдатъ выносилъ ведро изъ-подъ умывальника и «парашу», въ камеры заходилъ смотритель подслѣдственнаго отдѣленія, подполковникъ Богородицкій, справлялся о здоровьи, спрашивалъ, не надо-ли чего-нибудь купить, такъ какъ въ крѣпости разрѣшалось покупать на свои деньги табакъ, чай, сахаръ, закуски. Затѣмъ приносили чай въ двухъ коричневыхъ глиняныхъ кружкахъ на подносикѣ, на которомъ лежали два кусочка сахару, булка, калачъ или сайка. Не имѣвшимъ собственныхъ денегъ выдавалось въ день по 11 штукъ казенныхъ папирсовъ.

Кормили въ крѣпости, по свидѣтельству Синегуба, не только сытно, но даже пзыскапно. Разнообразіе меню было удивительное. Кормили щами, и борщами, и всякими супами, и жаркимъ, и рыбой, и дичью, и домашней птицей. На третье блюдо давали: блипчики съ вареньемъ, вафли, желе, кисель, даже компотъ изъ фруктовъ. Синегубъ пишетъ, что для него, не привыкшаго къ пзыскапной пищѣ, такіе обѣды казались просто роскошью.

Подавался обѣдъ въ оловянной посудѣ, съ оловянною ложкою. Ни ножей, ни вилокъ не полагалось; все твердое нарезывалось кусочками и въ такомъ видѣ доставлялось въ камеру. Вообще, кормежка въ крѣпости была въ то время изобильна и разнообразна, но она не избавляла отъ мучительной тоски. Весь день, кромѣ чтенія книги, нечего было дѣлать. Писать нельзя было: ни бумаги, ни чернилъ, ни карандаша имѣть не разрѣшалось. На прогулку по описанному выше дворику полагалось полчаса въ день, подѣ присмотромъ трехъ человѣкъ; присяжнаго унтеръ-

офицера, гарнизоннаго солдата, стоявшаго у воротъ, и солдата изъ караула.

Осмотритель отдѣленія, подполковникъ Богородицкій, былъ, повидимому, добродушный чело-вѣкъ и къ подслѣдственнымъ относился хорошо. Впослѣдствіи его старшій сынъ устроилъ сообщеніе между террористами и волею и за это самъ попалъ въ ссылку, послѣ чего и его отецъ лишился мѣста. Подполковникъ не мѣшалъ особенно настойчиво заключеннымъ переговариваться при посредствѣ стуковъ, которое производилось чаще всего при посредствѣ такого шифра:

	1	2	3	4	5
1	а	б	в	г	д
2	е	ж	з	и	к
3	л	м	н	о	п
4	р	с	т	у	ф
5	х	ц	ч	ш	щ
6	ы	э	ю	я	

Первый ударъ означалъ строку, второй букву; вышеприведенная таблица писалась на листочкѣ папиросной бумаги, и такимъ образомъ происходили разговоры.

Въ декабрь 1875 г. заключенные постепенно были переведены изъ Петропавловской крѣпости въ домъ предварительнаго заключенія, такъ какъ слѣдствіе по дѣлу о пропагандѣ было передано въ вѣдѣніе прокурорскаго надзора. Имъ руководилъ прокуроръ саратовской судебной палаты Жихаревъ, получившій впослѣдствіи за это дѣло званіе сенатора, при участіи своихъ помощниковъ: Шубина, Меркулова и Мясоѣдова.

Обстановка дома предварительнаго заключенія, въ сравненіи съ крѣпостью, оказалась удручающею. Камеры были маленькія, гораздо ниже, ходить по нимъ не было возможности, въ окнахъ были матовыя стекла. Коммунъ створительно,

но режимъ этого дома былъ нѣсколько мягче крѣпостного: разрѣшалось носить собственное платье и бѣлье, имѣть собственный чайникъ и стаканъ, письменныя принадлежности, собственные книги.

Заключеннымъ разрѣшалось посѣщать церковь, гдѣ для государственныхъ преступниковъ были устроены особыя клѣтушки, изъ которыхъ они черезъ небольшое, менѣе полчетверти въ квадратъ, отверстіе съ рѣшеткою могли созерцать, что происходило въ церкви. Стѣнки клѣтушекъ были очень тонки: хорошимъ гвоздемъ ихъ можно было пробуровать, что давало возможность пришедшимъ въ церковь пошептаться другъ съ другомъ.

Среди уголовныхъ арестантовъ, развозившихъ пищу заключеннымъ, и младшихъ надзирателей оказались лица, сочувствовавшія политическимъ; они не только передавали записки изъ камеры въ камеру, но носили записки на волю. При ихъ помощи Сергѣй Коваликъ и Порфирій Войноральскій чуть, было, не бѣжали изъ «предварилки». Это произошло такимъ образомъ:

Они подмѣтили, что третья галлерейя перваго яруса «предварилки» упиралась своимъ балкономъ въ наружную стѣну, огромныя матовыя окна которой выходили на улицу. Балконъ оканчивался какъ разъ подъ однимъ изъ этихъ оконъ, запиравшимся на замокъ, ключъ отъ котораго находился всегда у дежурнаго старшаго надзирателя. По близости имѣлась площадка, на которой помѣщались столъ и стулъ старшаго дежурнаго надзирателя.

На вышеуказанное окно обратилъ вниманіе Коваликъ и сообщилъ о своемъ открытіи своему пріятелю Войноральскому. При помощи двухъ надзирателей: Баранова и Иванова, они рѣшили осуществить слѣдующій планъ: